

— ...Скромность оберегает от унижений, широта души привлекает народ, искренность рождает доверие, расторопность приносит успех, а щедрость позволяет повелевать людьми. Государь, обладающий этими пятью качествами, может принести пользу Поднебесной и осчастливить народ — таков мудрый правитель. Подданный, обладающий этими качествами, может стать мудрым слугой. Управление миром — заслуга не одного человека, а потому недопустимы ни высокомерие, ни хвастовство, ни злопамятство, ни алчность. — Закончив, Цзэн Сюй увидел, что наследный принц внизу слушает со всем вниманием, и одобрительно закивал. — Ваше Высочество, уяснили ли вы?

Сяо Ципин склонил голову:

— Благодарю за наставление, учитель.

Цзэн Сюй с удовольствием погладил седую бороду, взгляд его скользнул к Сяо Цичэню. Тот же будто и не слышал, выводил на белой бумаге какие-то замысловатые узоры. Хотя в душе наставника шевельнулось недовольство, он в глубине сердца всё же счёл шестого принца незначительным и слова не проронил.

После Су Яня ещё несколько раз вызывали отвечать, так что он сидел как на иголках, мечтая поскорее домой. Су Янь хорошо знал свою природу: к учёбе он не был склонен. В детстве дома, с братьями, те и то были усидчивее его. А здесь, на людях, твердить «чжи-ху-чжэ-е» — хоть уши вяжи.

Этот день, наконец, подошёл к концу. Цзэн Сюй, смилостивившись и учитывая, что шестой принц впервые на лекции, отпустил всех на два часа раньше обычного. Но у наследного принца к наставнику ещё много вопросов накопилось, вот и пришлось всей его свите терпеливо дожидаться — уйти раньше никто не смел.

Су Янь зевнул, развалился на столе и подумал: откуда у наследного принца столько сомнений?

В самый разгар тоски кто-то легонько тронул его за локоть. Су Янь повернул голову: на соседнем месте Сяо Цичэнь с безмятежной улыбкой показывал ему плоды сегодняшнего «труда».

Князья и знать любили изящные искусства, полагалось им и на цине поиграть, и в вэйци, и каллиграфией, и живописью заниматься. Однако Су Янь был из семьи военных, с детства к этим романтическим забавам равнодушен. Разбираться в тонкостях живописи он не умел, но впервые в жизни почувствовал: картина эта — красива. На берегу озера — чернильные сливы, само озеро — не показано, да и сливы больше увядшие. Не сказать, чтобы сюжет жизнеутверждающий, но в этой умело переданной увядающей прелести, вышедшей из-под кисти отрока, было что-то необыкновенно живое.

Заметив блеск в его глазах, Сяо Цичэнь протянул рисунок и прошептал:

— Тебе.

Су Янь, помня о приличиях, поспешно ответил:

— Благодарю шестого принца.

Услышав это, Сяо Цичэнь улыбнулся так, что глаза превратились в щёлочки. Черты у него были приятные, а когда он не старался казаться важным или чего-то добиться, выглядел он почти что мило.

Су Янь слегка отвел взгляд, вложил этот рисунок со сливами между листами с упражнениями по каллиграфии и унёс с собой в покои.

С той картины Су Янь стал замечать, что Сяо Цичэнь часто проявляет к нему расположение. «Расположение» — не совсем точное слово, он ведь отпрыск императорского рода, ему незачем перед чиновничьим сыном заискивать. Но факт оставался фактом: едва выдавалась свободная минута, Сяо Цичэнь искал его.

Наследный принц Сяо Ципин этому только радовался. После той истории с дракой в Восточном дворце он чувствовал перед Цичэнем неловкость. Видя же, что тот, кажется, забыл старые обиды и с Су Янем ладит, он и позволил им неразлучными быть. Тут уж Су Яню оставалось только смириться.

К счастью, в Императорской академии учились в основном отроки, в житейских хитросплетениях ещё не искушённые, да и Цзэн Сюй строго-настрога запрещал котерии создавать. Так что его дружба с Сяо Цичэнем предосудительной ни для кого не казалась.

В одно утро Су Янь встал на заре, намереваясь во дворе комплекс упражнений выполнить, кости размять. Стояла уже ранняя зима, остальные члены свиты, сыновья гражданских чиновников, с детства закалкой не избалованные, в это время обычно ещё в постелях нежились. Поэтому во дворе царила тишина, даже птичьего щебета не слышно.

Су Янь к боевым искусствам с детства душой лежал. Отец, Су Чжи, обещал начать обучать его по-настоящему, как десять лет исполнится, а пока — только простой комплекс для укрепления тела да основ здоровья.

Закончив упражнения, Су Янь покрылся лёгкой испариной, но лёгкости в теле не почувствовал. Собираясь уже за водой для умывания идти, как вдруг, обернувшись, увидел в галерее силуэт человека. Одевание цвета абрикосового дерева, выглядел тот совсем хрупким.

Рассмотрев, кто это, Су Янь быстрыми шагами подошёл:

— Ваше Высочество, почему так легко одеты? Не холодно?

Сяо Цичэнь махнул рукой:

— Не замёрзну. В Чертоге Чэнлань зимой всегда так, привык уже... А это что за упражнения? Для здоровья полезны?

Су Янь кивнул:

— Отец научил.

Сяо Цичэнь пошёл с ним рядом, неспешно направляясь к концу крытой галереи:

— Отец твой о тебе заботится. А я с тех пор, как себя помню, отца раз-два в год вижу, не то что бы он со мной по душам говорил... Кстати, о той истории с Лю Цинъянем — я тогда старшему брату Пиню солгал. Хоть он и грубил, но первым замахнулся-то я. Теперь ты знаешь, только смотри, наследному принцу не проболтайся.

Су Янь не нашёлся, что ответить, и только «хм» произнёс. Сяо Цичэнь рассмеялся, хлопнул его по спине:

— Эх ты, деревянный! Зато с тобой говорить — одно удовольствие.

Свою неразговорчивость Су Янь от Сяо Цичэня так и скрывал, тот её за простодушие принимал. Спорить было неловко, пришлось смириться. Су Янь и не знал, как с императорскими отпрысками обходиться. Будь то наследный принц или шестой принц — характеры и повадки у них разные, но крови они императорской, обижать их себе дороже.

Сяо Цичэнь снова спросил:

— А этот комплекс... меня научишь?

Су Янь опешил, потом улыбнулся и кивнул.

Выходило, история с Лю Цинъянем всё же тень в душе Су Яня оставила. Долгое время он не мог, как прежде, легко и непринуждённо с Сяо Цичэнем общаться, льстить ему.

Но если Сяо Цичэнь спрашивал, Су Янь отвечал — подробно, ничего не утаивая.

Зима двадцать третьего года под девизом правления «Туннин» выдалась небывало холодной. Су Янь оставался в Восточном дворце, домой не возвращался. После занятий его часто Сяо Цичэнь за руку уводил — то в Чертог Чэнлань, то в императорский сад гулять. Оба были ещё малы, но уже вдоль и поперёк многие уголки дворца исходили.

Утренняя зарядка, учёба в Императорской академии, изредка — отдельные наставления от учителя Цзэна. Даже Су Янь, никогда классику не жаловавший, понемногу пропитывался мудростью древних мудрецов.

Время текло день за днём, и Су Янь стал для Сяо Цичэня единственным в глубинах дворца человеком, с кем можно было поговорить. Хотя по большей части говорил один Сяо Цичэнь, а Су Янь слушал, тот и этому был несказанно рад. Если император чем-нибудь одаривал, Сяо Цичэнь непременно половину Су Яню откладывал. Если же с уроками проврался — наказание тоже на двоих выходило.

Шло время, даже Сяо Ципин любил над ними подшутить:

— Мой-то сопровождающий целыми днями с тобой болтается, когда он со мной-то бывает?

А Сяо Цичэнь в ответ:

— Старший брат Пин, у тебя сопровождающих — целая толпа, а мне лишь он один нравится. Пусть побольше со мной играет, чего такого? Я ведь редко о чём-то тебя прошу. Не будь жадиной.

Сяо Ципин только рот раскрывал, слова не находил. Посовещался с Су Янем и в итоге разрешил Сяо Цичэню подолгу в Восточном дворце оставаться.

За следующие два года состав Императорской академии много раз менялся, и свита наследного принца тоже обновилась — кроме Хань Гуана, все лица стали незнакомыми. Служанки меж собой шептались, будто наследный принц слишком уж мнителен, боится людей от старшего брата.

— Почему они так друг от друга отдалены? Разве не родные братья? — спросил как-то Су Янь у Сяо Цичэня. К тому времени он уже окончательно растерял былую скромность и настоящую

свою натуру проявлял.

Сяо Цичэнь неспешно чистил каштаны, изредка протягивая один Су Яню:

— Кто их знает? Старший брат Юй уже в суде заседает, говорят, после нового года с армией на юг отправится — место не опасное. Но в сердце отца он место прочное занимает. Старший брат Пин после праздников шестнадцать лет стукнет, тогда и он, как наследник, в суде появится...

Договорив до этого места, он вдруг застрял на одном каштане — скорлупа не поддавалась. Сяо Цичэнь упрямо с ней бился, пока Су Янь не выдержал, не забрал у него каштан и не пошутил:

— Ваше Высочество, лет вам немного, а знаете — не по годам.

— Ещё бы, — Сяо Цичэнь иронии не уловил, лишь улыбнулся. — Целыми днями слушаю, как служанки да евнухи языки чешут. Они меня за человека не считают, а я-то всё, что говорят, запоминаю.

Су Янь вынул из скорлупы нежно-жёлтое ядрышко, протянул Сяо Цичэню и серьёзно сказал:

— Ваше Высочество, не принижайте себя.

<http://bllate.org/book/15940/1424910>